

## ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В АНГЛИИ

Артур-Лесли Мортон

Социализм как теория борьбы за освобождение рабочего класса является сравнительно новым учением: он не мог появиться до того, как рабочий класс стал достаточно зрелым для разработки этой теории и ее применения на практике. Но это слово имеет и другое значение, заслуживающее не меньшего внимания. Можно сказать, что социализм существует столько же, сколько эксплуатация: на всем протяжении своего существования эксплуатируемый класс всегда боролся против эксплуататоров, всегда вынашивал идею общества, основанного на равенстве и справедливости, даже если возможности создания такого общества тогда не существовало.

В Англии, как и повсюду, были такие надежды и велась борьба за их осуществление. Я хочу описать этот процесс, не потому, что он представляет чисто исторический интерес, а потому, что борьба не оказалась бесплодной: она внесла богатый вклад в создание современного научного социализма. История этой борьбы есть история постепенного превращения надежды в осуществимую реальность для Англии, где рано развились капиталистические производственные отношения и возник мощный рабочий класс, вышедший на авансцену истории уже тогда, когда в других странах рабочий класс все еще находился за ее кулисами. Мы исходим из предположения, подтвержденного действительностью, что социализм не был ввезен извне, а вырос на английской почве, естественно возникнув из реальной общественной жизни народа, и его идеи с самого начала были понятны народу.

### 1. ЗЕМЛЯ — ОБЩАЯ СОКРОВИЩНИЦА

Даже в то время, когда надежды народа были столь мало осуществимы, что они могли найти свое отражение только в мифах и легендах, они все же были тесно связаны с реальными условиями жизни. Так, средневековый крепостной, несший бремя принудительного труда и обреченный на долгие часы работы и грубую и скудную пищу, мечтал прежде всего о рае на земле, где

он мог бы удовлетворять свои потребности. Как бы фантастичны ни были некоторые подробности жизни в стране Кокейн, не было ничего фантастического в желании крепостного вести безмятежную и полную изобилия жизнь среди друзей. Это была земля, где не только

«Гусей жареных летает стая,  
На вертелах все — ей-богу, клянусь! —  
Гогочут: «Я — гусь, я — горячий гусь!»»,

но и где

«Всё вместе у всех — у юнцов, стариков,  
У кротких, у смелых, худых, толстяков»<sup>1</sup>.

Эта фраза дает нам в руки ту нить, которая в конце концов приведет нас к научному социализму.

Убежденные, что в справедливом обществе все должно быть общим, проходит через все средние века. Средневековый крепостной был членом определенной общины. Он жил в маленьком мирке, в обществе, состоявшем в основном из равных ему людей, постоянно сотрудничавших для того, чтобы добыть средства к существованию, обрабатывая общие угодья селения: односельчане крестьяне являлись его союзниками и товарищами по совместной работе в той же мере, в какой лорд и его управляющий были врагами и паразитами. Были живы еще воспоминания о прошлом, когда не было лорда, а существовала лишь община свободных и равных землепашцев. В крестьянском коммунизме всегда особенно сильно подчеркивается идея равенства.

Распространение идеи общей собственности ни в коей мере не ограничивалось средой крепостных или еретиков-богословов, таких, как Уиклиф. Многие ученые авторитеты средневековья, особенно из числа францисканцев, придерживались того мнения, что истинно справедливым является лишь то общество, где всем владеют сообща и где нет классов и государственного аппарата подавления. Считалось, что собственность и правительство это явления более позднего и менее божественного происхождения, последствия греховности человека. Для этих мыслителей первым и лучшим состоянием человека был первобытный коммунизм, а его падение совпало с возникновением частной собственности и общественных классов.

Хотя Уиклиф и другие ученые средневековья не помышляли о каких-либо практических выводах из своих теорий, они не могли не попытаться сделать это другим, и распространение таких коммунистических понятий явилось могучим подкреплением тех идей, которые крестьянство вырабатывало на основе своих собственных производственных отношений.

<sup>1</sup> A. L. Morton. The English Utopia. London, 1952, p. 219—220. (A. Л. Мортон. Английская утопия. М., 1956, стр. 265—266).

Как сообщает хронист Фруассар, Джон Болл заявил следующее: «О, вы, добрые люди, плохо идут дела в Англии, и они будут идти плохо, пока все не станет общим, и не будет вилланов и дворян, а все мы будем равными, и лорды не будут большими хозяевами, чем мы. Чем заслужили мы, что нас держат в рабстве? Мы все происходим от одного отца и одной матери, Адама и Евы. Как они могут доказать, что должны быть большими господами, чем мы, ссылаясь только на то, что они заставляют нас сражаться и трудиться, создавать то, что они растрачивают?» Эти слова попали на хорошо подготовленную почву. Великое восстание 1381 г. не было коммунистическим — оно было вызвано конкретными обидами и имело целью удовлетворение конкретных требований. Однако в его основе лежало стремление к бесклассовому обществу, возможно, смутное и наивное, но широко распространенное и укorenившееся. Крестьянство никогда нельзя было убедить в том, что нищета и эксплуатация являлись справедливым и неизбежным последствием его непреодолимой безнравственности и поэтому их следовало терпеливо переносить. Крестьян нельзя было убедить в справедливости той системы, которая позволяла одним одеваться в бархат и поглощать изысканные яства, а других обрекала носить лохмотья и питаться ржаным хлебом. Никогда не существовало резкой грани между стремлением к равенству и чувством классовой ненависти к эксплуататорам. Это классовое чувство обнаруживается в равной степени и в XIV в., и двести лет спустя, когда некий Джон Уокер из Грестона заявил: «Было бы очень хорошо, если бы в Норфолке существовало не больше господ, чем белых быков»<sup>2</sup>. Несомненно, что рост крестьянских волнений и классового сознания с конца XIII в. был одной из главных причин отказа от «коммунистических» теорий раннего средневековья.

Другой причиной, тесно связанной с первой, был кризис феодального общества и рост в недрах его буржуазии, что привело к совершенно новому отношению к собственности и развитию новой формы эксплуатации. Именно наличие одновременно и феодальной и буржуазной эксплуатации придает крестьянским движениям XVI в. их специфический характер, двойственность и сложность, которых раньше не наблюдалось. Именно эта двойственность отличает «Утопию» Мора, замечательное творение, в котором впервые появляется много социалистических идей. С одной стороны, Мор смотрит на государство и на монарха, как на прогрессивную силу; с другой стороны, он считает его орудием подавления в руках эксплуатирующего класса: «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать,

что они представляют собой не что иное, как некий заговор богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. Они измышляют и изобретают всякие способы и хитрости, во-первых, для того, чтобы удержаться без страха потери то, что стяжали разными мошенническими хитростями, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их как мясной скот. Раз богачи постановили от имени государства, значит, также и от имени бедных, соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами».

Поистине замечательным у Мора является то, что он сумел нарисовать картину жизни великой нации, организованной как демократическое бесклассовое общество на основе самой передовой для того времени техники, а не частые обращения к крестьянскому коммунизму, мифическому золотому веку, вера в который подкреплялась рассказами путешественников о бесклассовых родовых общинах в только что открытой Америке.

За три с половиной столетия до того, как Маркс выдвинул принцип высшей фазы коммунистического общества — «от каждого по способностям, каждому по потребностям» — Мор писал: «Посередине каждой части имеется рынок со всякими предметами. Туда, в определенные дома, свозятся предметы производства каждого семейства, и отдельные виды их распределяются в розницу по складам. В них каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит. Да и зачем ему отказывать в чем-либо? Ведь, во-первых, все имеется в достаточном изобилии, а во-вторых, — не может быть никакого опасения, что кто-либо пожелает потребовать больше, чем нужно. Зачем предполагать, что лишнего попросит тот, кто уверен, что у него никогда ни в чем не будет недостатка?»<sup>3</sup>.

Господствовавшая в течение долгого времени концепция человеческой греховности и беспомощности в «Утопии» исчезла, на смену ей пришла вера в возможность того, что, развивая свой разум, человек сможет избавиться от своих несчастий. Природа человека уже не рассматривается как нечто неизменное, как абсолютная преграда на пути прогресса. Считается, что она может быть изменена вместе с изменением жизни человека.

Всеобщее образование было одной из замечательных черт идеального государства Мора.

## 2. БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Если величие Мора заключалось в предвидении далекого будущего, то его слабостью была неспособность связать это предвидение с тем миром, в котором он жил. Мор не мог ни видеть,

<sup>3</sup> Т. Мор. Утопия, стр. 128—129.

<sup>2</sup> Joseph Clayton. Robert Kett and the Norfolk Rising. 1912, p. 44.

ни представить себе силы, способной осуществить переход к обществу «Утопии». Другой мыслитель, взгляды которого мы теперь рассмотрим, в этом отношении продвинулся далеко вперед. Джерард Уинстенли пережил революцию, видел, как народная армия одержала победу, как был обезглавлен король и установлена Республика. Поэтому, когда Республика не оправдала его надежд, он обратился к народу, прежде всего к неимущим массам, убеждая их бросить работу ради получения зарплаты, занять и обрабатывать общинные и заброшенные земли.

«Если богатые,— писал он в «The New Law of Righteousness»,— будут все еще цепко держаться за собственность по принципу «мое» и «твое», пусть они обрабатывают свою землю своими руками, и пусть простые люди, которые являются избранным народом Божиим, свободным от оков собственности, и которые говорят, что земля «наша», а не «моя», пусть они вместе работают и вместе едят хлеб, собранный на общинных землях, горах и холмах»<sup>4</sup>.

Уинстенли в некоторых вопросах очень близко следует за Мором («Утопию» которого он, возможно, читал). Эта связь особенно отчетливо выступает в том месте его работы «The Law of Freedom in a Platform», где он пишет: «Ремесленники будут приносить определенные изделия в определенные магазины, как это сейчас принято, но без купли и продажи. И члены каждой семьи, когда им захочется приобрести вещи, которых они сами сделать не могут, пойдут в те магазины и возьмут даром то, что сейчас берут за деньги»<sup>5</sup>.

В других вопросах Уинстенли стоял ближе к крестьянам и богословам средневековья. Для него частная собственность является следствием потери человеком первобытной невинности и результатом греховной ненасытности. Однако этой мысли он дает новое направление. Тезис о грехопадении прародителей как причине гибели эры первобытного коммунизма сочетается у него с антинорманскими настроениями, широко распространенными в то время, так что в общем неясно, относится ли золотой век Уинстенли к Эдему или же к периоду, предшествовавшему норманским завоеваниям; библейское предание и исторический факт причудливо переплетены у Уинстенли. По его мнению, люди некогда были свободны и счастливы, и теперь наступило время, когда «земля становится общей сокровищницей, какой она была в самом начале, и король справедливости начинает править в сердце каждого»<sup>6</sup>.

Однако нас не должны обманывать мистические выражения, в которые облечены мысли Уинстенли. За ними скрывается

новый рационализм, убеждение в способности человека силой разума найти выход из своего затруднительного положения, настойчивое утверждение ценности научного образования и технического прогресса, в чем он идет дальше всех своих предшественников, даже Мора. Уинстенли занимает позицию, близкую к позиции пролетариата, он говорит от имени экспроприированного крестьянина и наемного работника, реальная заработная плата которого катастрофически понизилась из-за резкого повышения цен и постоянной занятости которого угрожала разрушительная и длительная война. Эти люди и сам Уинстенли, оглядываясь на прошлое крестьянской общины, смотрели в то же время вперед, надеясь на отмену наемного рабства и создание бесклассового общества.

С теоретической точки зрения Уинстенли дает самое ясное, хотя, как мы увидим, не единственное во время английской революции изображение социалистического общества. Но диггеры, которых он увлек недолговечным аграрно-коммунистическим экспериментом на холмах Сент-Джордж в Сёррее, представляли собой лишь горстку людей. Движение, которое возглавил Уинстенли, никогда не вышло за рамки секты, и значение этого движения ограничивается сферой идей.

Что же касается массового демократического движения, то мы должны обратиться к левеллерам, которые, хотя формально и отреклись от всяких идей, называемых нами сегодня социалистическими, но тем не менее стоят у одного из истоков нашего современного движения. Левеллеры первыми поняли, что политика должна стать постоянной деятельностью всего народа, и в своей программе «An Agreement of the People»<sup>7</sup> выдвинули основные требования, вдохновлявшие все последующие народные движения Англии до чартизма и даже после него. Они говорили об избирательном праве для всех взрослых мужчин, равных избирательных округах, ежегодных парламентах, свободе совести и полностью гарантированных гражданских свободах.

Эти требования, подобно требованиям чартистов спустя 200 лет, подразумевали осуществление государственного контроля народа и были отвергнуты правящим классом на том именно основании, что они несовместимы с существующим правом собственности. Это противоречие между правом собственности и правами человека предельно четко проявилось во время обсуждения «Agreement» на Совете армии в Петни осенью 1647 г. Полковник Рич выдвинул следующий аргумент против избирательного права для всех мужчин: «В нашем королевстве впятеро больше людей, не имеющих постоянных интересов (т. е. земельной собственности). Одни имеют десять, другие двадцать слуг,

<sup>7</sup> Между 1647 и 1649 гг. под этим названием было опубликовано четыре документа, значительно отличающихся друг от друга в деталях. Все они воспроизведены в *Leveller Manifestoes*, ed. Don M. Wolfe, 1944.

<sup>4</sup> Gerrard Winstanley. *Selections from his Works*, ed. by L. Hamilton, London, 1944, p. 22.

<sup>5</sup> Ibid., p. 128.

<sup>6</sup> Ibid., p. 16.

некоторые больше, некоторые меньше. Если хозяин и слуга будут равноправными избирателями, то ясно, что люди, не владеющие собственностью в королевстве, исходя из своих интересов, выберут тех, кто лишен собственности. Большинство сможет по закону, а не во время беспорядков, уничтожить собственность; может быть введен в действие закон о равенстве во владении товарами и поместьями»<sup>8</sup>.

На это Рейнборо ответил Ричу от имени левеллеров:

«Сейчас пять шестых народа, бедняки, лишены участия в выборах, а тогда они получили бы право на это. Если будет иначе, будут выбираться только богатые люди. Следовательно, говорю я, одна шестая часть превратит остальные пять шестых в дровосеков и водопосов, и, таким образом, бо́льшая часть нации будет порабощена»<sup>9</sup>.

В 1842 г. Маколей, выступая против рассмотрения парламентом второй петиции чартистов, не только повторил доводы Рича, но и использовал почти те же самые выражения: «Податели петиции просят предоставления им верховной власти; в каждом избирательном округе во всей империи капитал и накопленная собственность должны быть безоговорочно положены к ногам труда. Можно ли сомневаться, каков будет результат всего этого? Такая конфискация собственности и захват имущества вызовет нищету, а нищета приведет к отчаянной борьбе, в результате чего на поверхность выдвинется какой-нибудь сильный военный деспот, который до некоторой степени обеспечит сохранность еще оставшейся собственности».

Возникновение вопроса о демократии ведет в конечном итоге к развитию социалистических идей, так как только при социализме может быть окончательно обеспечена демократия в смысле эффективного управления рабочего класса. Это может быть проиллюстрировано на примере требования о ежегодных выборах парламента, которое со времени левеллеров всегда занимало видное место во всех радикальных программах и остается единственным из чартистских «шести пунктов», не осуществленным до сих пор. Обычно от этого требования отмахиваются довольно бесцеремонно как от незначительного и практически невыполнимого, однако, когда мы рассмотрим его содержание, то легко обнаружим, что его целью является установление эффективного и постоянного контроля избирателей над своими представителями, другими словами, не просто формальная, а настоящая демократия. Левеллеры в «*A Remonstrance of Many Thousand Citizens*» (1646 г.) писали: «Как вы хорошо знаете, по нашему закону, парламент должен созываться один раз в год и чаще (если будет в этом необходимость). Мы — ваши по-

ведители, а вы — наши представители. Эту истину вы не можете не признать, ибо если вы или кто-либо другой возьмет или будет осуществлять какую-либо власть, которая не вытекает из нашего доверия и выбора, эта власть есть узурпация и угнетение, и от нее, по нашему мнению, мы должны быть освобождены, кто бы ни обладал подобной властью; она абсолютно несовместима с характером справедливой свободы»<sup>10</sup>. Народный контроль не позволил бы буржуазной парламентской демократии оставаться лишь ширмой для прикрытия классового господства. Только в социалистическом обществе, где введено право отзыва депутата и избранный рассматривается как делегат, выполняющий наказания избирателей, в большей степени, чем даже предполагалось, реализуется сущность данного требования левеллеров.

«*An Agreement of the People*», так же как и Хартия, являлось программой-минимумом, имевшей целью объединить возможно более широкие демократические силы. Поэтому «*Agreement*» избегало вопросов, вызывавших самые острые разногласия. Левеллеры, в противоположность диггерам, были выразителями интересов мелких фермеров и независимых ремесленников и торговцев, стремившихся обезопасить свою небольшую собственность, над которой, как они чувствовали, нависла угроза, но не со стороны бедняков, а со стороны владельцев монополий и арендаторов.

Единственным руководителем левеллеров, который, как нам кажется, вышел за рамки их мелкобуржуазного мировоззрения, является Уильям Уолвин, недостаточно ясная фигура, поскольку наши сведения о его социальной философии почерпнуты в основном из обвинений, выдвинутых против него его противниками. Однако стиль и характер известных нам его работ заставляют предположить, что его мысли действительно правильно представлены в следующем отрывке из памфлета, названного «*Wolwins Wiles*». «В другой раз, рассуждая о неравных условиях жизни людей и несоразмерности состояний, говорил он об этом такие слова: печально и прискорбно, что подобное положение сохраняется; оно никогда не изменится к лучшему до тех пор, пока все вещи не станут общими. Когда его спросили: «Произойдет ли это когда-нибудь?» Он отвечал: «Мы должны попытаться сделать это». Ему было сказано, что это приведет к уничтожению всякого правительства. Он отвечал, что тогда не будет воров, жадных людей, люди не будут обманывать и врать друг другу, и поэтому будет меньше нужды в правительстве и т. п. Если подобные случаи все же будут происходить, люди выработают правила и создадут формы управления для решения тех вопросов, которые могут возникнуть. Однако не будет нужды в постоянных чиновниках или комитетах, не

<sup>8</sup> Puritanism and Liberty, ed. A. S. P. Woodhouse, 1938, p. 62.

<sup>9</sup> Ibid., p. 67.

<sup>10</sup> Leveller Manifestoes, p. 113.

будет нужды в судьях и т. п. Если возникнут какие-либо разногласия, или будет совершено какое-либо преступление, тогда вызови сапожника из его мастерской, или мясника из его лавки, или любого другого торговца или ремесленника, известного своей честностью и справедливостью, и пусть он выслушает дело и вынесет решение по нему, а потом снова отправится к своему месту работы»<sup>11</sup>.

Вопрос о том, действительно ли Уолвин придерживался подобных взглядов, вероятно, менее важен, чем тот факт, что именно так, по мнению его противников, должен говорить популярный в народе руководитель. Они бы не утверждали этого, если бы такие идеи не имели широкого распространения. Существуют достаточные доказательства того, что подобный наивный коммунизм был популярен в XVI и XVII вв. так же, как и в средние века. Так, Спенсер вкладывает очень похожие слова в уста своего гиганта, проповедующего уравнилельные идеи.

«Разве не видишь, как плохо идут сейчас дела,  
И каждое поместье совсем расстроено?..

Разве было бы плохо, если бы тогда несправедливость  
прекратилась,

А от изобилия чтобы кое-что было передано неимущим?

Тиранов, которые подчиняют людей своему закону,

Я подавлю, чтобы они больше не могли править,

А лордов, которые внушают страх простым людям,  
укрошу;

А все богатство имущих перейдет к бедным»<sup>12</sup>.

Современник и враг Уолвина пресвитерианец Томас Эдвардс рассказывал, что такие же мнения высказал один йомен из Нортхэмптоншира. По словам последнего, «теперь наступает такое время, когда мы все станем владельцами и будем равными: у меня будет такое же поместье, как у такого-то рыцаря (при этом он называл рыцаря, владельца большого поместья в том графстве). Этот сектант утверждает также, что никакого ада не существует»<sup>13</sup>.

Необходимо остановиться здесь также на социальных взглядах совершенно парадоксальной секты, известной под названием «Проповедники» (Ranters), которая, по-видимому, пользовалась значительным влиянием среди городской бедноты в первые годы Ресублики, и особенно в период после подавления движения левеллеров в Бёрфорде (май 1649 г.). Мистический пантеизм сочетался у них с грубым плебейским материализмом. Один

подмастерье сапожника, например, «когда слышал какое-либо упоминание о боге, обычно смеялся, и в презрительной манере говорил, что, по его мнению, деньги, хорошее платье, хорошая еда и питье, табак и веселая компания являются богами; но он их почти не видит, ибо его бог позволил ему иметь не более восьми или десяти пенсов в день, и за них заставлял его работать»<sup>14</sup>.

Один из руководителей секты, Абизер Копп, в начале 1650 г. выпустил необычную книгу «A Fiery Flying Roll: A Word from the Lord to all the Great Ones of the Earth». После того, как поражение левеллеров и диггеров, казалось, уничтожило все надежды, связанные с революцией, Копп мог рассчитывать только на чудо для достижения победы: сам бог должен сделать то, на что ни у одного класса не хватало сил. Поэтому он говорит от имени членов общества, лишенных всяких надежд: обитателей городских трущоб, нищих, проституток и преступников, и обращается к ним. Он даже бога изображает в виде разбойника с большой дороги, который говорит богатым:

«А ну, отдай свой кошелек, отдай, сударь!

Отдай, или я перережу тебе глотку!»<sup>15</sup>

Копп высказывался за установление наивного библейского коммунизма:

«Плачьте, плачьте, вы, благородные, плачьте, знатные,  
Плачьте, богатые, ибо падут на вас несчастья».

Что же касается нас, тех, кто слушает проповеди апостола, то мы тоже все будем иметь сообща; все, что будем иметь, мы не будем называть своим собственным..., мы будем есть наш хлеб вместе, в единении сердец, мы преломим хлеб от дома к дому»<sup>16</sup>.

Есть основания полагать, что такие взгляды были распространены среди «проповедников», которые обычно называли друг друга «ближний». Не удивительно, что их сурово преследовали, что Копп был посажен в тюрьму, а его книгу было приказано публично сжечь.

Совершенно ясно, что многие из этих идей явились пережитками прошлого, а обращение к обитателям трущоб было выражением отчаяния в связи с ходом развития революции; однако за короткий период, предшествовавший разгрому секты, идеи «проповедников» нашли удивительно широкий отклик, а обширная памфлетная литература, как поддерживавшая «проповедни-

<sup>11</sup> The Leveller Tracts, ed. William Haller and Codfrey Davies, 1944, p. 302—303.

<sup>12</sup> Faery Queen, Book V, Canto 2.

<sup>13</sup> Gangraena, Part III, 1646, p. 150.

<sup>14</sup> The Arraignment and Tryall with a Declaration of the Ranters, 1650.

<sup>15</sup> A Fiery Flying Roll, Part II, p. 4.

<sup>16</sup> Ibid., p. 19.

ков», так и направленная против них, вскрывает совершенно отчетливо характер выраженных ими народных чувств и верований<sup>17</sup>.

«Коммунизм» Уолвина, если цитированный выше памфлет правильно отражает его взгляды, носил более сложный характер и являлся высшей точкой развития теории левеллеров. Однако он отражал взгляды одного человека и не имел того влияния, которое оказывала общественная программа левеллеров. Последняя побудила к действию десятки тысяч солдат и гражданских лиц, сыграла решающую роль во внутреннем развитии английской революции и открыла новую эру — эру активного участия народных масс в политической жизни страны. Роль и значение левеллеров отличаются от роли и значения восстававшего крестьянства средних веков. Это явление более высокого порядка. Хотя программа левеллеров не могла быть осуществлена в условиях XVII столетия и их движение окончилось поражением в 1649 г. (а затем вторично после возникновения его в новом виде, под руководством Монмаута, в 1685 г.) они заложили традицию, прямым наследником которой является наше современное рабочее движение.

После поражения Монмаута при Седжмуре и так называемой революции 1688 г. эта традиция в известной степени прервалась. В 1688 г. был заключен компромисс, который передал власть в руки союза наиболее передовых слоев аристократии и верхушки буржуазии, союза, достаточно сильного для того, чтобы на целое столетие сделать участие в политической жизни Англии доступным лишь очень узкому кругу людей, в то время как в стране медленно созревали предпосылки промышленного переворота. В течение этого периода активность народа едва ли поднималась выше уровня стихийного бунта. Все же на протяжении этого столетия начал формироваться подлинно промышленный пролетариат, а происшедший в конце этого века промышленный переворот создал совершенно новую ситуацию.

### 3. БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО

До конца XVIII в. типичным наемным работником был слуга, работающий на отдельного хозяина, даже в том случае, когда хозяин, как говорит Рич, имел 20 или больше таких слуг. Теперь же, в связи с быстрым развитием крупной промышленности, возникли новые отношения, которые проявляются в большей мере как классовые, чем как личные. Возможность ведения классовой борьбы пролетариатом и сама борьба родились одно-

<sup>17</sup> Избранные произведения «проповедников» и работы, посвященные им, были перепечатаны Норманом Коном в работе: N. Cohn. In Pursuit of the Millennium, 1957, p. 315—375.

временно, а революция, начавшаяся во Франции в 1789 г., где к этому времени плебейские элементы были гораздо сильнее, нежели в Англии в XVII столетии, помогла придать этой борьбе большую теоретическую определенность. Новый способ производства создавал массу товаров и неслыханные богатства как для старого правящего класса, так и для новых владельцев заводов и фабрик, но он же вверг рабочих в такую пропасть бедности и нищеты, которые даже сегодня остаются притчей во языцех. Все это способствовало обострению классовых противоречий.

Как и прежде, народные движения развивались по двум постоянно пересекавшимся направлениям. Одно из них продолжало традиции левеллеров и боролось за установление политической демократии как средства обеспечения массам более свободного и менее убогого существования. В этом течении мы можем упомянуть только некоторые наиболее выдающиеся эпизоды: волнения под руководством Джона Уилкса (1763—1778), в которых рабочие играли лишь второстепенную роль; деятельность Тома Пейна и английских и шотландских якобинцев в период после 1789 г.; кампания за проведение избирательной реформы во главе с Кобетом, Гентом и Плейсом, закончившаяся принятием Акта о реформе 1832 года и, наконец, великое движение чартистов, достигшее расцвета в десятилетие между 1838 и 1848 годами, стоявшее на гораздо более высоком уровне, чем все остальные, и в большей степени, чем они, соединившее теорию с практикой. Чартизм явился историческим событием, потому что именно в нем рабочий класс впервые выступил как ведущая сила великой нации.

Участники всех этих движений обращали внимание прежде всего на тот факт, что государственная власть находилась в руках незначительного меньшинства и использовалась им для подавления и эксплуатации народных масс. Я вернусь позже к этому вопросу. Но к проблеме о бедности и богатстве подходили и с другой стороны, также важной с точки зрения развития социалистической мысли, обратив внимание на контраст между возможностью изобилия для всех и фактической бедностью, в которой вынуждено было жить огромное большинство населения. Богатство нации росло быстрыми темпами, но рабочие, которые производили это богатство, жили несколько не лучше, чем раньше. Именно на это противоречие обратили свое внимание английские утописты-социалисты<sup>18</sup> — представители второго направления в общественных движениях Англии XIX в.

Утописты во главе с Робертом Оуэном применили к обществу нормы разума и справедливости, которые они почерпнули

<sup>18</sup> Впервые в печати слово «Socialist» было, кажется, употреблено в журнале «Cooperative Magazine» в ноябре 1827 г.



у философов-материалистов, вдохновивших французскую революцию. Они пришли к выводу, что существующее общество не является ни справедливым, ни разумным, и полагали что раз эта истина провозглашена, она будет всеми принята. Оуэн проверял свои теории на практике более двадцати лет (1800—1820) в образцовой общине, созданной на его хлопчатобумажной фабрике в Нью-Ланарке. Здесь он пришел к некоторым замечательным выводам. Он обнаружил, что может платить более высокую заработную плату и ввести более короткий рабочий день, чем его конкуренты, щедро обеспечить общественные службы и все же получать более чем достаточную прибыль. Он нашел также что характеры рабочих под влиянием улучшившихся условий изменились, и пришел к выводу, что человеческий характер является продуктом окружающей среды и формируется ею. Этого взгляда придерживались и философы-просветители. Но Оуэн сделал из него важные практические выводы: не только окружающие условия изменяют человека, но и человек может сам, не в одиночку, а в обществе, сознательно изменить свое окружение и, сделав это, преобразовать самого себя. Характер человека не считался более чем-то неизменным и постоянным, он рассматривался теперь как продукт жизни человека. Не было никаких препятствий, по крайней мере так казалось Оуэну, кроме предрассудков и невежества, на пути установления справедливого и разумного общества, основанного на сотрудничестве, а не на конкуренции.

Однако Оуэна не удовлетворяли успехи в Нью-Ланарке и всеобщее одобрение, которое до сих пор встречала его деятельность. Рабочие у него получали только небольшую часть того громадного богатства, которое они создавали. Их грабили. Вопрос состоял в том, как? Отвечая на этот вопрос, Маркс сумел раскрыть характер капиталистического общества. В связи с этим здесь стоит рассмотреть некоторые предпринятые до Маркса попытки разрешить эту важную для выяснения характера капиталистического общества проблему.

Сам Оуэн скорее поставил этот вопрос, чем дал ответ на него. Однако, сделав это, он в тот же миг превратил себя в парию. Герцоги и епископы, которые покровительствовали его благотворительной деятельности в Нью-Ланарке, больше ему не аплодировали, и Оуэн к своему удивлению обнаружил, что разум менее абсолютен, чем он полагал, а зависит каким-то непонятным для него образом от классовых интересов. И единственным классом, который готов был согласиться с ним, явился рабочий класс. Для тысяч рабочих он стал учителем и пророком на все следующее поколение. Однако Оуэн интересовался, главным образом, широкими моральными и социальными проблемами, а рассмотрением природы эксплуатации пришлось заняться его ученикам.

Для них был приготовлен ключ к разгадке. Так же, как в средние века Джон Болл и проповедники крестьянского восстания превратили академический коммунизм Уиклифа и ученых средневековья во взрывчатое вещество, которое потрясло всю систему феодального общества, так и первые английские социалисты придали революционный классовый характер трудовой теории экономического учения Рикардо. Как указал Рональд Л. Мик в «The Modern Quarterly», «когда Прудон и Родбертус предъявили претензии на то, что они первые сделали социалистические выводы из этих положений Рикардо, Маркс и Энгельс смогли указать на работы десятка английских авторов — радикалов, кооператоров и социалистов, — которые сделали то же самое на двадцать лет раньше. Маркс всегда очень уважал этих ранних авторов, хотя и указывал, что, подобно Рикардо, они обычно ограничивались теми категориями классической экономики, которые они находили под рукой»<sup>19</sup>.

Конечно, мысль о том, что все богатство создано трудом человека, не была нова. В грубой форме ее можно обнаружить в средние века в проповеди Джона Болла или в картине «Четыре за всех», которую все еще можно иногда видеть на вывесках гостиниц и на которой нарисованы рыцарь, священник, адвокат и крестьянин, а под ними — соответствующие девизы: «Я сражаюсь за всех», «Я молюсь за всех», «Я защищаю всех», «Я работаю за всех». Уинстенли использовал эту мысль как довод в пользу своей справедливой республики: «Ни один человек не может быть богатым сам по себе; он должен стать богатым либо благодаря своему собственному труду, либо благодаря труду других людей, помогающих ему. Если человеку не помогают соседи, он никогда не накопит в год состояние в сотни и тысячи. Если другие люди помогают ему работать, то эти богатства в такой же мере принадлежат его соседу, как и ему самому. Но все богатые люди живут беззаботно, питаются и одеваются благодаря не своему собственному труду, а труду других людей, и это является для них позором, а не честью, ибо более благородно давать, чем получать. Богатые получают все, что они имеют, из рабочих рук, если же они дают что-либо, то плоды труда других людей, а не своего собственного; поэтому они являются несправедливыми людьми на земле»<sup>20</sup>.

С победой буржуазной революции и заменой феодальной эксплуатации капиталистической эта теория начинает приобретать более современный вид. В 1662 г. сэр Уильям Петти выводил стоимость товаров из труда, воплощенного в них, а Локк в 1689 г. в своих «Two Treatises of Government» выдвигает в качестве оправдания частной собственности положение, гласящее,

<sup>19</sup> «The Modern Quarterly», vol. VII, № 4, p. 237.

<sup>20</sup> Gerrard Winstanley. Op. cit., p. 118.

что стоимость является результатом человеческого труда. «Не будем предполагать,— пишет он,— что Адам имел право собственности и обладал в качестве личного владения всем миром за счет всех остальных людей (чего никаким образом нельзя доказать) и что собственность кого-либо из людей вытекает из этого права; напротив, предположим, что мир был дан сынам человеческим в *общее владение*, и мы увидим, как *труд* мог дать людям различные имущественные права на определенные участки земли и другие блага, используемые людьми для их частных нужд». Ибо «если мы правильно оценим вещи, которыми мы пользуемся, подсчитаем расходы, связанные с их изготовлением, и рассмотрим, что в них заключено только от *природы* и что *трудом*, мы увидим, что в большинстве случаев нужно будет девяносто девять сотых расходов полностью отнести за счет *труда*».

С другой стороны, Джон Беллерс, предвосхитивший Оуэна в описании общины «Колледжа Братства», которая «сделает *труд*, а не *деньги стандартом* для оценки всех предметов первой необходимости», указал на некоторые недостатки денег как стандарта: «Если стоимость денег падает или к ним теряется доверие, бедные оказываются первыми на грани разорения; и они попадают в подобное положение потому, что богатые не имеют денег, чтобы нанять их, хотя у них есть та же земля и те же руки для производства продуктов питания и одежды, которые они всегда имели; они являются истинным богатством страны, а не деньги, имеющиеся в ней»<sup>21</sup>.

Из ортодоксальной дорикардовской теории источника богатства аграрные коммунисты, пионеры кооперации и апологеты рождающегося капитализма делали совершенно различные выводы. Только в начале XIX в., когда социалисты начали выдвигать идею прибавочной стоимости и она стала оружием в руках рабочего класса, буржуазные экономисты встревожились. А когда Маркс отточил это оружие, создав подлинно научную теорию прибавочной стоимости, теория трудовой стоимости стала настолько опасной, что ее поспешно и окончательно отбросили и с тех пор никогда не упоминают о ней без явного замешательства.

Джон Грей был одним из первых, кто в своей «Lecture on Human Happiness» (1825 г.) придал этой теории революционную остроту. Он утверждал, что стоимость создается исключительно наемными рабочими, занятыми в полях, на шахтах и заводах. Другие члены общества — учителя, врачи, торговцы, купцы и т. д. — могут приносить или не приносить пользу, но они не создают стоимости. По его подсчетам, наемные рабочие получают только одну пятую часть тех богатств, которые создают, и делал вывод: «Богатый, который фактически ничего не пла-

тит, получает все, в то время как бедный, который фактически платит за все, не получает ничего. Пусть каждый честный человек беспристрастно рассудит, нужно ли сохранять такое состояние общества! Не противоречит ли оно всем принципам честности!»<sup>22</sup>

Как правоверный оуэнист, Грей все еще питал доверие к абстрактному разуму и справедливости. Однако его заявления о том, что «всевозможные богатства происходят от человеческого труда и занятые производительным трудом классы сейчас содержат не только себя, но и всех непродуцирующих членов общества»<sup>23</sup>, вовсе не показались «разумными» тем классам, которые находились на содержании трудящихся.

Томас Годскин в своей работе «Labour Defended», также опубликованной в 1825 г., указывает на капиталистическую прибыль как способ, при помощи которого извлекается прибавочная стоимость, отмечает тенденцию снижения заработной платы до уровня, необходимого для поддержания жалкого существования: «Прежде чем рабочий сможет иметь кусок хлеба, он должен затратить настолько больше труда по сравнению с его стоимостью, чтобы этот излишек пошел на получение прибыли фермером, торговцем хлебом, мельником и булочником вместе с доходами от всех зданий, которые они используют, и более того, он должен платить продуктами своего труда ренту ленд-лорду.

Независимо от того, существуют хлебные законы или нет, капиталист должен позволить рабочим добывать средства к существованию, но до тех пор, пока это не будет соответствовать его интересам, капиталист никогда не позволит рабочему зарабатывать больше того, что ему необходимо для поддержания своего существования»<sup>24</sup>.

В то же время Годскину не было ясно, когда же отбирается прибавочная стоимость. Он считал, что это происходит скорее во время «неэквивалентных обменов», а не в процессе производства. Эта теоретическая ошибка привела Оуэна и его последователей к дорогостоящему эксперименту с проектами биржи труда. Годскин писал: «Между тем, кто производит пищу, и тем, кто изготавливает одежду, между тем, кто делает инструменты, и тем, кто их использует, стоит капиталист, который не делает и не использует их, а присваивает себе продукцию обоих. С невероятной скупостью он передает каждому часть продукта другого, оставляя себе большую долю. Постепенно и последовательно он втерся между ними, расширяясь в объеме по мере того, как его питал все более производительный труд, и настолько далеко

<sup>22</sup> Lecture on Human Happiness, p. 20.

<sup>23</sup> Ibid., p. 69.

<sup>24</sup> From Cobbett to the Chartists, ed. Max Morris, 1948, p. 76.

<sup>21</sup> Proposal for Raising a Colledge of Industry, 1695, p. 3.



отделил производителей друг от друга, что ни один из них не может видеть, откуда берется тот товар, который он получает через капиталиста»<sup>25</sup>.

В «Нищете философии» Маркс резко критиковал ошибки социалистов-утопистов: в 1847 г. необходимо было показать их недостатки, чтобы расчистить дорогу для подлинно научной теории. Тем не менее, Маркс признавал, что он им многим обязан, и сегодня более важно помнить не о тех недостатках, на которые настойчиво указывал Маркс, а о положительном вкладе социалистов-утопистов в развитие социалистической теории. «Литература эта,— по словам Энгельса,— в настоящее время почти совершенно забытая и в значительной своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления «Капитала»»<sup>26</sup>.

Изложенный выше аргумент заставил Годскина проповедовать создание обществ независимых мелких производителей, каждый из которых пользовался бы полным продуктом своего труда и обменивал свои продукты на основе равенства. Уильям Томсон, работа которого «Labour Rewarded» (1827 г.) была ответом на книгу Годскина, согласился с тем, что источником прибыли является «стоимость, добавленная к сырью умелым трудом и увеличивающаяся благодаря ему. Сырье, здания, машины, заработная плата сами по себе ничего не могут добавить к своей стоимости»<sup>27</sup>. Одновременно он отверг предложенное Годскином решение и высказался за создание сети оуэнистских коммун, которые обменивали бы свои продукты на эквивалентной основе и постепенно вытеснили бы капиталистическое производство. Томсон являлся, возможно, самым влиятельным и талантливым из всей этой группы, и именно на основе его принципов был учрежден в Ирландии знаменитый Ралахайнский кооператив (1830—1833 гг.). Придя к Оуэну через Бентама, Томсон не ограничился тем, что полагался на абстрактный разум и естественные права, а разделял утилитаристскую точку зрения, согласно которой существующее общество обречено, так как оно само обрекло громадное большинство населения на несчастье, которого легко было избежать.

Томсон, как все утописты, полагал, что социальные системы создаются произвольно, по желанию. Если капитализм не удовлетворяет желаниям, достаточно изобрести и установить новую систему, которая могла и не иметь конкретных связей с предше-

ствовавшей. Утописты имели слабое представление о логике исторического развития, согласно которой общественный строй развивается и приходит в упадок, и из борьбы противоречий возникает новый строй. По их мнению, социализм мог наступить в любой момент, стоило только кому-либо подумать об этом. Они смотрели на себя как на вдохновенных свыше первооткрывателей счастливой идеи, которую народным массам оставалось только принять. Так, например в эпоху ожесточенной классовой борьбы большинство утопистов одобряло создание профессиональных союзов, но рассматривало их главным образом как полезные организации для претворения в жизнь своих идей. Поэтому работы утопистов составлены в форме совета, даваемого человеком, стоящим над событиями, что, конечно, уменьшало их воздействие.

Это в меньшей степени относится к Джону Фрэнсису Брейю, книга которого «Labour's Wrongs and Labour's Remedy» вышла в свет в начале агитации за хартию и критика которого была в целом более острой, чем критика его предшественников. Его атаки на капитализм были бескомпромиссны: «Всякое накопление у капиталистов или предпринимателей, взятых в целом, происходит от невозвращенных рабочему классу или нанятым лицам заработанных ими денег; и когда один человек становится таким образом богатым, то только потому, что многие другие должны остаться бедными... Прибыль нанимателя всегда будет потерей для нанимаемого — до тех пор, пока обмен между сторонами не станет эквивалентным; а обмен никогда не станет эквивалентным до тех пор, пока общество будет разделено на производителей и капиталистов: первые живут за счет своего труда, а вторые жиреют на прибылях, получаемых от труда первых»<sup>28</sup>.

Со строго научной точки зрения Маркса, Брей и его школа допускали путаницу; однако их идеи представляются воплощением ясности по сравнению с теориями, которые сейчас предлагают в Англии некоторые так называемые социалисты с их болтовней о «смешанной экономике» и «государстве благосостояния». Брей отчетливее своих предшественников и многих из своих преемников усвоил ту истину, что рабочие сами должны изменить свое положение: «Производителям надо только сделать усилие,— а они должны приложить все усилия, чтобы осуществить свое освобождение,— и их цепи будут разорваны навсегда»<sup>29</sup>.

Сам Брей в течение некоторого времени принимал активное участие в чартистском движении в Лидсе, где он работал печатником. В недавно обнаруженной книге «A Voyage from Utopia» (написанной в 1841 г., но опубликованной лишь в 1957 г.) он с надеждой пишет о борьбе рабочих:

<sup>28</sup> Labour's Wrongs and Labour's Remedy, 1839, p. 56.

<sup>29</sup> Ibid., p. 88.

<sup>25</sup> From Cobbett to the Chartists, ed. Max Morris, 1948, p. 69.

<sup>26</sup> Ф. Энгельс. Предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии» К. Маркса.— К. Маркс. Нищета философии. М., 1956, стр. 8. Интересно отметить сильно отличающиеся друг от друга оценки Оуэна, данные Энгельсом в работе «Положение рабочего класса в Англии в 1844 году» и тридцать лет спустя в «Анти-Дюринге».

<sup>27</sup> Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, 1824, p. 166.

«Выявив истинный источник своих несчастий, они начинают серьезно размышлять над тем, как помешать аристократам еще более увеличивать получаемые нечестным путем доходы и в то же время создать общество на новой, более справедливой основе, где одному классу не будет позволено ездить верхом на другом... Нет сомнения в том, что в конечном итоге они добьются успеха, и радость, которая ждет их в будущем, полностью вознаградит их за все то, что им придется перенести во время движения вперед; но это движение будет зависеть от их активности, которая будет расти под влиянием страданий, причиняемых им существующими порядками»<sup>30</sup>.

#### 4. КЛАССЫ И ГОСУДАРСТВО

Хотя лишь меньшинство утопистов непосредственно участвовало в классовой борьбе того времени, их работы содействовали ее развитию, ибо показывали характер капиталистической эксплуатации, помогали рабочим лучше узнать своих врагов. С развитием теории трудовой стоимости теория классовой борьбы претерпела значительные изменения.

С незапамятных времен существовал контраст между собственниками и трудящимися, и жгучая ненависть наполняла сердца последних, когда они видели, что их лишают всех благ жизни. Как говорили левеллеры, они считали себя младшими братьями, у которых украли то, что принадлежало им по рождению.

Можно проследить существование этой глубокой вражды на протяжении веков. Норфолкский крестьянин желал, чтобы господа встречались не чаще белых быков. Старый левеллер Ричард Румбольд заявил в 1685 г. с эшафота: «Я уверен, что ни один человек не был предназначен богом быть выше другого, ибо никто не появляется на свет с седлом на спине, но никто также не появляется в сапогах со шпорами, чтобы ездить на нем верхом»<sup>31</sup>. Джон Телуолл, руководитель лондонских якобинцев, писал: «Собственность есть не что иное, как труд человека. Самой неоценимой собственностью является пот, текущий по лицу бедняка, это та собственность, из которой происходит вся остальная и без которой великие мира сего должны были бы голодать среди предполагаемого изобилия. И разве можно говорить тем, кто обладает этой неоценимой собственностью, что у них нет прав, потому что им нечего защищать?.. Нет! Человек, а не движимое имущество является целью справедливого законодательства»<sup>32</sup>. Но эта вражда в течение долгого времени рассматривалась только как вражда между богатыми и бедными.

Только тогда, когда соотношение зарплата — труд твердо установилось как нормальное, обычное явление, когда возникло сознание, что получающего зарплату грабят, и не каким-то экстраординарным или таинственным образом, а при помощи той самой прибыли, без которой капитализм вообще не может существовать, мы можем обнаружить теорию классовой борьбы в форме, несколько напоминающей современную. Всего лишь поколение отделяет Телуолла от Годскина, но какое огромное различие существует между приведенным выше отрывком и словами Годскина: «Я уверен в том, что до тех пор, пока торжество труда не будет полным, пока производительное трудолюбие не станет богатым, и праздность не будет бедной, пока замечательное изречение «тот, кто сеет, должен пожинать плоды своих трудов» не будет твердо выполняться, пока право на собственность не будет основано на принципах справедливости, а не на принципах рабства, пока человек не будет уважаться больше, чем прах, по которому он ступает, или машина, которой он управляет,— до тех пор не может быть, и не должно быть мира на земле и добрососедских отношений между людьми»<sup>33</sup>. И не меньшая разница существует между абстрактным заявлением Годскина и горячими словами неизвестного автора в «The Poor Man's Guardian» за март 1832 г.: «Когда я слышу, как хозяева, предприниматели и торговцы, говорят: «Мы должны получать больше прибыли, чтобы платить вам высокую заработную плату»,— кровь во мне стынет от ужаса, и я жалею о том, что я человек, а не собака или что-нибудь еще... Следовательно, прибыль предпринимателя, так же как и рента укравших землю лендлордов и доход крадущих десятину церковников, и все остальные виды прибыли, достигаются тем, что заработная плата держится на низком уровне... У трудящихся и у тех, кто получает прибыль, нет общих интересов».

Это были годы роста раннего профсоюзного движения в Англии. Английский рабочий класс показал всему миру пример создания эффективных организаций для повседневной борьбы, и хотя внешне могло казаться, что эти союзы заняты только проблемами хлеба насущного, едва ли можно переоценить ту роль, которую они сыграли в подготовке сознания рабочих к восприятию идей социализма. Энгельс писал: «Но значение этих союзов и организуемых ими стачек в первую очередь состоит в том, что они представляют собой первую попытку рабочих уничтожить конкуренцию. Наличие их предполагает уже понижение того, что господство буржуазии основывается только на конкуренции рабочих между собой... Когда рабочие примут решение не терпеть дальше, чтобы их покупали и продавали, когда при определении, какова же собственно должна быть стоимость

<sup>30</sup> A Voyage from Utopia, p. 123.

<sup>31</sup> Iris Morley, A Thousand Lives, 1954, p. 246.

<sup>32</sup> Natural and Constitutional Rights, 1795, p. 42.

<sup>33</sup> From Cobbett to the Chartists, p. 78.

труда, рабочий будет выступать не как вещь, а как человек, обладающий не только рабочей силой, но и волей, тогда всей теперешней политической экономии и законам заработной платы наступит конец... Как школа борьбы стачки незаменимы. В них проявляется своеобразное мужество англичанина»<sup>34</sup>.

Одновременно с ненавистью к отдельным капиталистам, а потом и ко всему их классу, росло понимание того, что государство находится в руках этих врагов пролетариата и при каждом удобном случае используется ими против рабочих. Питерлоу, законы, направленные против союзов, использование войск и добровольческой кавалерии при разрешении промышленных конфликтов, закон о бедных 1834 г.— все эти уроки были усвоены рабочим классом и привели его к выводу о том, что лишь государственный аппарат, находящийся в руках народа, может гарантировать всем сносную жизнь. Как говорил лидер чартистов Джордж Джулиан Гарни: «Мы требуем всеобщего голосования на выборах, потому что это наше право; и не только потому, что это наше право, а потому, что мы верим, что оно принесет свободу нашей стране и счастье нашим домашним очагам, мы верим, что оно даст нам хлеб, и мясо, и пиво»<sup>35</sup>.

Приведем еще одно высказывание анонимного автора из «The Poor Man's Guardian»: «Я сказал вам, что правительственные налоги являются лишь естественным следствием рент, процентов и других прибылей, которые выжимают из вас, что, короче говоря, эти налоги являются лишь некоей суммой денег, даваемых правительству для того, чтобы с помощью насилия и мучений заставить вас выплачивать эти ренты, десятины, проценты и прибыли, при помощи которых вас грабят в размерах, в двадцать раз превышающих сумму этих налогов»<sup>36</sup>.

Автор выражает широко распространенное среди рабочих убеждение в том, что государство является орудием подавления, а вовсе не нейтральной силой, стоящей над классовой борьбой и в стороне от нее, как утверждают буржуазные апологеты.

По мере приближения периода чартизма эта концепция классовой борьбы, с конечной целью—захватом государственной власти—все в большей степени проявлялась и все более и более глубоко захватывала массы. Это нашло отражение в работах Бронтера О'Брайена, которого чартисты называли своим «учителем». Уже в 1833 г. он пишет в «The Poor Man's Guardian»: «История человечества показывает, что с самого начала существования мира богачи всех стран находятся в постоянном тайном сговоре с целью держать в подчинении бедняков всех стран, и это по одной простой причине—потому, что нищета

бедняка необходима для богатства богача. Какими бы средствами они ни прикрывали свои махинации, богатые постоянно грабят бедных, унижают их достоинство и жестоко обращаются с ними. Все преступления и суеверия человеческой природы происходят от этой людоедской войны богатства против бедности. Желание одного человека жить плодами трудов другого является первородным грехом мира»<sup>37</sup>.

«До настоящего времени,—писал О'Брайен,—все правительства мира были не чем иным, как заговором богатых против бедных, иначе говоря, заговором сильных и хитрых с целью грабить и держать в подчинении слабых и неосведомленных. Современное правительство Англии тоже относится к их числу»<sup>38</sup>.

Интересно сопоставить высказывания О'Брайена с приведенными выше отрывками из «Утопии» Мора, которую О'Брайен, безусловно, должен был изучать, и из работ Уинстенли, которые, возможно, не были ему известны.

Мора и Уинстенли отличает субъективизм, тенденция рассматривать пороки общества как результат греховности отдельных капиталистов, алчности, как выражался Уинстенли, а не как последствия самой капиталистической системы. Временами кажется, что они чуть ли не выдвигают предположение о том, что капиталисты могли бы поступать по-другому, если бы они этого захотели. Хотя мировоззрение О'Брайена было гораздо более конкретным, он все же не освободился полностью от абстрактного утопизма оуэнистов и пытался рассматривать рабочих только как жертву, а не как революционную силу, способную преобразовать общество. Именно этот взгляд помешал его поколению усвоить научную теорию классовой борьбы. Можно добавить, что этот недостаток не исчез совершенно с окончанием эпохи утопистов: следы его могут быть найдены даже у Вильяма Морриса, что являлось постоянным источником ошибок последнего, а в Независимой рабочей партии этот недостаток широко распространен даже в настоящее время.

Все же эта слабость преодолевалась. Если для Мора эксплуатация была злом, о котором нужно сожалеть, то для О'Брайена она была несправедливостью, которую нужно исправить, и в его работах есть многие свидетельства того, что он понимал, что только сами рабочие могут добиться своего спасения.

«Все угнетенные, кто бы они ни были, не должны доверять изменениям, которые вводятся угнетателями, и если они хотят, чтобы реформа принесла им пользу, они сами должны ее осуществить»,—писал он в октябре 1834 г. в «The Poor Man's Guardian». И в июне того же года: «Богатые с самого начала суще-

<sup>34</sup> Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 443, 444, 448.

<sup>35</sup> «When England Arose», n. d., p. 23.

<sup>36</sup> «Poor Man's Guardian», April, 1832.

<sup>37</sup> Ibid., April 1833.

<sup>38</sup> Ibid., March 1835.

ствования мира никогда не беспокоились о справедливости или гуманности. Пусть историк попробует указать нам хотя бы один единственный пример, когда богачи в какую-либо эпоху и в какой-либо стране добровольно отказались от своей власти из любви к справедливости, или же просто следуя призывам к их уму и сердцу,— нет таких примеров! Сила и только сила всегда заставляла их проявлять гуманность».

О'Брайен и самые принципиальные мыслители его поколения приближались к подлинно исторической концепции общества и пониманию того, что будущее зависит от завоевания власти рабочим классом. Поэтому Хартия с ее шестью пунктами<sup>39</sup> подхватила то, что по форме являлось старой программой левеллеров, но подняла ее на более высокий уровень, сделав ее программой промышленного пролетариата. Чартисты сосредоточили усилия на достижении чисто политических требований не потому, что питали иллюзии в отношении буржуазного парламентаризма, а потому, что понимали демократию как власть народа. Они считали государство, находящееся в руках враждебного класса, крепостью, которую необходимо взять штурмом.

«Чего хочет народ,—писал О'Брайен,—это правительства всего народа для защиты всего народа, а когда это будет достигнуто, народ будет в состоянии установить оуэнизм, сен-симонизм или же какой-либо другой «изм», который, по мнению большинства, наилучшим образом обеспечит всеобщее благосостояние. Установив свою власть над законами, народ может сделать все, что только природа позволяет сделать; не имея ее, народ никогда не сможет чего-либо совершить»<sup>40</sup>.

Хартия сплотила рабочий класс, который все еще был раздроблен на отдельные группы с самыми различными традициями и взглядами, и придала новый смысл его существованию и его миссии как класса. Это был самый важный практический шаг к борьбе за социализм. Таким образом, несмотря на ограниченность чартистской программы, в этом движении было глубокое социалистическое содержание, и не удивительно поэтому, что лучшие из молодых лидеров чартизма, такие, как Гарни и Эрнест Джонс, были первыми англичанами, тесно сотрудничавшими с Марксом и Энгельсом. И если марксизм давал им больше, чем они были подготовлены воспринять, то не менее верно и то, что марксизм был бы иным и менее полным без тех уроков, которые Маркс и Энгельс смогли извлечь из истории Англии.

Английская политическая экономия, теории первых английских социалистов, богатый опыт классовой борьбы в Англии —

<sup>39</sup> Эти шесть пунктов были: право голоса для всех взрослых, ежегодные парламенты, тайное голосование, жалование членам парламента, отмена имущественного ценза для кандидатов в члены парламента, равные избирательные округа.

<sup>40</sup> «Poor Man's Guardian», November 1833.

все это оказало непосредственное влияние на разработку марксизма. Но этим нельзя ограничиться. Англия была первой страной, ставшей полностью капиталистической, в ней первой появился зрелый рабочий класс. Маркс и Энгельс глубоко изучили все аспекты истории и жизни Англии; опыт экономического и социального развития этой страны, в большей степени, чем какой-либо другой, лежит в основе обобщений «Коммунистического манифеста»; исторические разделы «Капитала» основаны на английском материале. Марксизм не был иностранным учением, в готовом виде ввезенным и грубо навязанным стране, развитию которой он не соответствовал. Если марксизм и был разработан применительно и на основе преимущественно какой-либо одной страны, то такой страной является Англия.

**Раздел библиотеки**  
**История идей: "от утопии к науке"**  
**<http://istmat.info/node/29200>**